

ТВ парк - 1999 - янв. (№5) - с. 6 - 9 01 99

Канн, Дина Дурбин и «ХВ»

Квирикадзе Ираклий

В фильмах Квирикадзе всегда есть доброта и ирония — «Кубшин», «Пловец», «Робинзонада, или Мой английский дедушка», «1001 рецепт влюбленного кулинара» с Пьером Ришаром. А часто ли улыбается их создатель?

ЛИЦО
НЕДЕЛИ

Московская квартира Ираклия Квирикадзе и Наны Джорджадзе мало похожа на дом, обитатели которого прочно бросили якорь. Ее скорее можно назвать мастерской. Из кухни благоухает свежемолотым кофе, а в кабинете — стопки исписанной бумаги и множество книг о Пушкине, разложенных везде и всюду.

— Легко предположить, что сейчас вы сочиняете что-то о Пушкине.

— У меня сценарный заказ от американцев, от студии «XX век Фокс», неожиданно большой. Правда, рядом с Пушкиным все кажется таким маленьким. Вот уже более двух месяцев сижу, не поднимая головы, почти все уже знаю о нем, но пишу и понимаю, что постичь такой масштаб просто невозможно.

— Пушкин будет присутствовать в фильме?

— Конечно. Однако фильм состоится, если сниматься в нем будут настоящие звезды. Кое-какие имена мне уже назвали, но пока попросили держать их в тайне. Единственное, что могу вам открыть, — Пушкина будет играть черный актер.

— Как вам работается в этом доме?

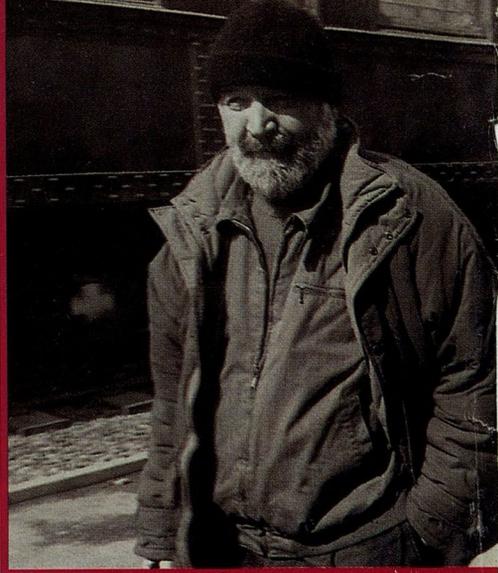
— Я так много блуждал по свету, что дом перестал быть такой уж необходимостью. Когда-то мне эти скитания даже нравились. А теперь я частенько задумываюсь: где же я все-таки существую? Есть такая замечательная книга «Где твой дом, ангел?» Тома Вулфа. Она всегда со мной, это лучшая из книг, которые я читал. Вот и я себе порой задаю такой же вопрос. С иронией, конечно... Одновременно живу и здесь, и в Грузии, и в Америке, и еще в каких-то странах, куда меня заносит судьба. Но всегда эти передвижения связаны с моим графоманством. Я уже ничем другим не занимаюсь, только пишу, пишу, пишу... И это доставляет мне удовольствие, в некотором смысле даже мазохистское. Приезжаю в какую-нибудь страну и практически ее не вижу, потому что сразу «приковываю» себя к письменному столу.

Все, что запоминается, — это пейзаж в окне. Мне иногда говорят с завистью: «Ты так много ездешь, столько впечатлений!». Так хочется ответить, что все впечатления — не более чем картинки в окне.

— Может, тогда и не ездить, а просто менять картинку за окном?

— Вполне логично. Возникла за окном Эйфелева башня — значит, мы в Париже, обнаружил за окном океан — значит, в Лос-Анджелесе.

На съемках фильма «Путешествие товарища Сталина в Африку» (Марчелло Матростяни забегал на перекресток)

— И какой фон вам нравится больше?

— Пожалуй, здешний, московский. Под окнами детский сад. Старые, высоченные деревья. Между ними целый день смеются, плачут, кричат, поют дети. И это так приятно! Не знаю, что чувствовали те, кто жил здесь до меня. Возможно, именно из-за детского сада они и съехали, а я, наоборот, получаю огромное удовольствие от ребячьего визга. Зимой тут все тонет в снегу, и кажется, что ты за городом, на даче, а между тем рядом улица Горького, то есть Тверская.

— А приехали из Лос-Анджелеса, с океана, можно сказать, почти из Голливуда...

— Не совсем. Голливуд — у меня «за спиной». Территориально — рядом, всего миль двадцать-тридцать до знаменитого скопища киностудий. Я живу в небольшом местечке Венис Бич, в артистическом районе, известном во всем мире. Он похож на Париж двадцатых годов, описанный Хемингуэем. Это особая Калифорния, особый Лос-Анджелес.

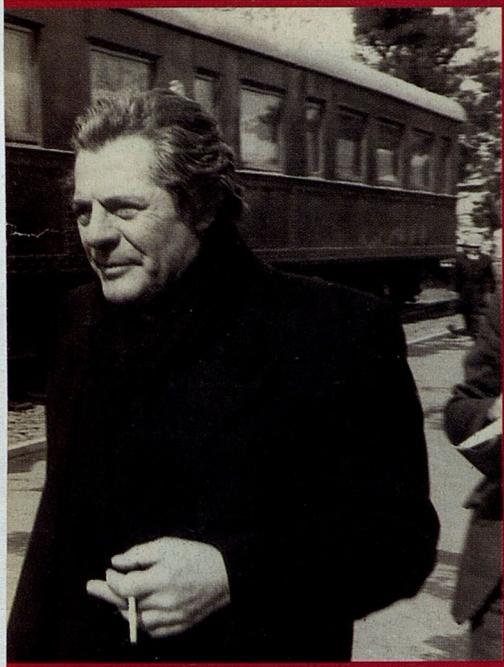
Ираклий Квирикадзе

анчкара»

Карнавальный. Тут обитают художники, музыканты, писатели, артисты. Вольные люди. Здесь все пишут. Такое впечатление, что весь Лос-Анджелес — сценаристы. Живу у самого океана, волны заливают сваи дома, перед окном — огромная пальма, на которую я обязательно когда-нибудь взберусь. Напоминаю себе Робинзона Крузо. Брожу по пустынным пляжам или сижу дома и пишу.

Какое счастье, что теперь я только сценарист (на съемках «Сибирского цирюльника» Никиты Михалкова)

— А как насчет Пятницы?

— О... В поисках Пятницы порой проходит вся жизнь. Между прочим, вдоль берега сделаны специальные роликовые дорожки, куда по субботам и воскресеньям съезжаются толпами желающие покататься. И в основном пышногрудые, длинноногие Пятницы. А в будние дни, кроме меня и пеликанов, никого не встретишь. Часто со мной бывает внук. Мой сын женился на замечательной девушке из Эфиопии. И вот два года назад они сотворили такое чудо! Этого эфиопчика я сажаю на плечи, и мы идем гулять по берегу, бегаем босиком. Иногда за нами гоняются пеликаны, им нравится хватать нас за пятки.

— Как зовут внука?

— Родители хотели назвать его, по традиции, моим именем, но я запротестовал. Каково будет жить молодому человеку где-то в Америке со странным, труднопроизносимым именем Ираклий? Подумал и предложил имя более универсальное, по-грузински оно звучит как Нико, по-английски — Ник. Так он стал Никушкой, Николенькой. Чудо мое, шоколадно-кофейное.

— Что-нибудь грузинское в нем угадывается?

— Говорят, он похож на меня и на моего отца. Есть в его внешности некая грузинская графика. К тому же сын общается с ним на родном языке, так что он — маленький эфиоп, начинающий говорить по-грузински.

— А где ваше детство прошло?

— В Тбилиси, там я родился. Потом много разъезжал с родителями по провинциальной Грузии. У папы была очень прозаическая профессия — технолог на мясокомбинате. Но характер он имел весьма неуживчивый и поэтому все время менял работу. То тбилисский мясокомбинат, то батумский. Потом мы переехали в Хашури. Тогда я был адски влюблен. Делал вид, что иду в школу, а сам вскакивал в товарняк, и он вез меня два с половиной часа до Тбилиси. С вокзала я бежал в школу к своей Дульсине. Мне нужно было ее увидеть. Потом проделывал тот же путь обратно. А мой грозный папа считал, что я в это время грызу гранит науки.

— Так проходило становление известного сценариста Ираклия Квирикадзе...

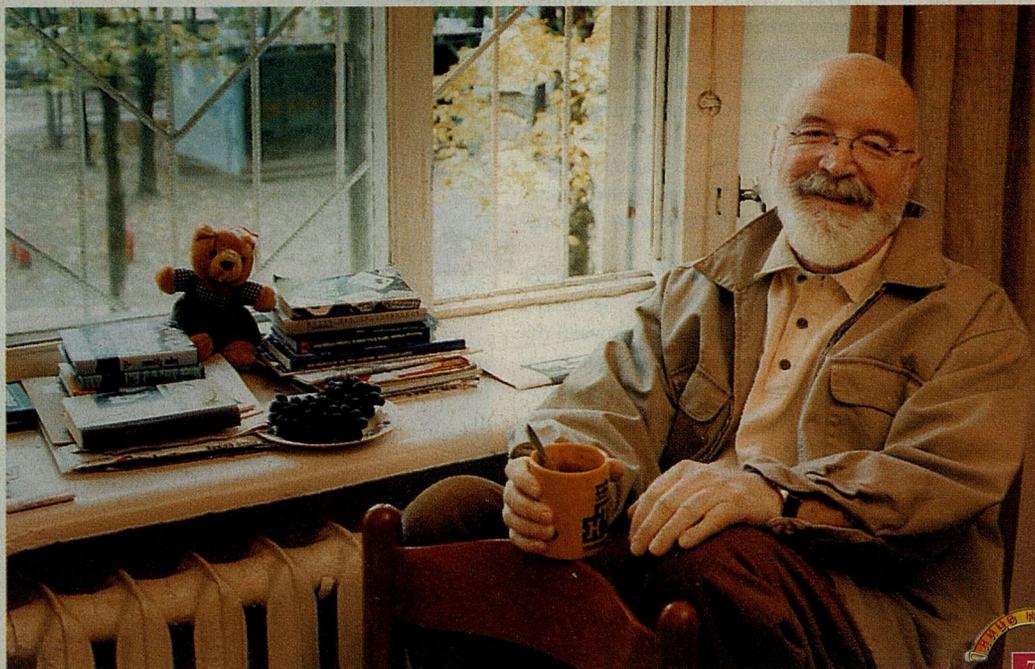
— Юность подарила мне огромное количество ситуаций, которые затем я использовал в

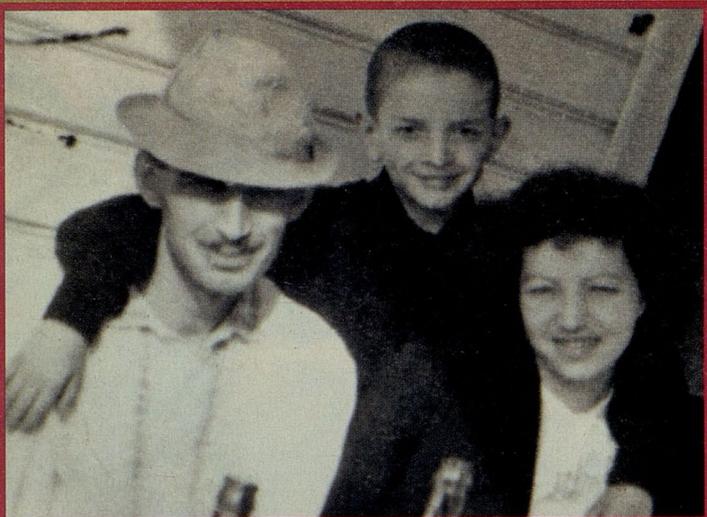
своих сценариях. Моя жена Нана сняла свой диплом по одному из них. Короткометражка «Путешествие в Сопот» завоевала целый букет призов — в Оберхаузене, Акапулько, Кракове, Карфагене. А история, которая лежит в его основе, — из моего детства.

— Скажите, живя недалеко от Голливуда, не испытываете ли вы желания попасть туда?

— Очень многие люди моей профессии сочиняют легенды на этот сюжет. Смешно слышать: «Я снял фильм в Голливуде... Мой фильм...». Большие компании близко не подпускают пришельцев, особенно режиссеров. Чтобы получить в Голливуде кредит доверия, нужна целая биография, человек должен состоять как бы из того же теста. Я туда не стремлюсь. Местечко, в общем-то, страшненькое. Даже не могу вам назвать имена победителей. Полупобедители еще най-

А за окном любимый пейзаж, московский

С родителями

дутся, а вот те, кто въехал туда на белом коне... Чушь полная. Ну тешат себя, и ладно. У меня другая форма честолюбия.

Так случилось, что я там оказался случайно. В начале девяностых поехал на показ своей картины, в делегации еще советских кинематографистов. Считал себя совершенно здоровым человеком, а оказался с сердечным приступом на операционном столе. Мне сделали операцию, гильдия сценаристов в один день собрала деньги. Потом мне долго нельзя было лететь обратно, потом в Грузии началась война, потом я получил какой-то сценарный заказ. И так закрутилось, что обрел там свое место, свой дом. Самое главное для меня теперь: дать моим детям — Ирине, Бубе и Михаилу — возможность найти свое место в жизни. Буба занимается медициной, Ирина — кинорежиссер, Михаил мечтает стать кинооператором, учится в Лос-анджелесской киношколе, работал ассистентом на картинах Агнешки Холланд и Никиты Михалкова.

— *А как же ваши собственные творческие амбиции?*

— Когда-то казались очень важны и аплодисменты, и критика, очень расстраивался, когда слышал несправедливую. А сейчас отказываюсь от многочисленных заманчивых предложений, понимая, что не смогу это сделать или мне неинтересно. Заниматься режиссурой в Голливуде сложно, писать еще можно. Я и пишу. Стараюсь не делать ничего случайного. Деньги, конечно, хорошая вещь, и счет в банке ужасно стимулирует, но теперь я меньше задумываюсь, что та или иная работа даст мне с точки зрения материальной. Я, наверное, плохой бухгалтер для самого себя.

— *Переход от режиссуры к сценарному делу произошел естественно или неожиданно?*

— Мягко. У меня была масса всяких историй, которые я хотел когда-нибудь записать. Ну, хотя бы о том, как я и трое моих друзей отправились в путешествие. Было это в далеком 61-м, мы тогда запоем читали «Иностранную литературу», главный журнал жизни, увлекались хиппи. И все это так запудрило мне мозги, что в один прекрасный день я предложил друзьям куда-нибудь уехать. И мы уехали. Домой не возвращались восемь месяцев. Прожили эти божественные месяцы, блуждая по Крыму и Северному Кавказу. И все время где-то подрабатывали — то ящички сколачивали на рыбза-

воде, то в Ливадии работали лодочниками-спасателями, то купили коня, тощего, как Россинант. Один из нас играл на аккордеоне и пошел работать в студию звукозаписи. Помню, туда приходили солидные люди в больших пальто, друг играл, а они пели. Их голоса записывали на пластинки из рентгеновских снимков. Все без исключения пели модные тогда «Мишку» или «Ландыши». За это другу платили пять рублей, на которые мы вечерами кутили.

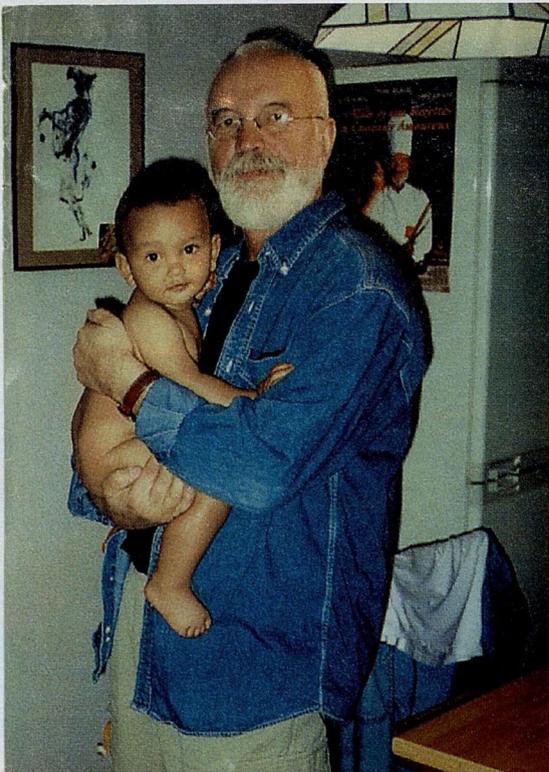
У меня накопилось огромное количество маленьких и больших сюжетов. В эту реку воспоминаний теперь окунаю руку и что-то оттуда выуживаю. В 90-м году снял свой последний фильм как режиссер, думал через какое-то время снять другой. Но пока не судьба.

— *А как вы попали во ВГИК?*

— Однажды, оказавшись в Москве, я поехал на ВДНХ. В автобусе рядом со мной оказалась невероятной красоты черная девушка. Черный цвет для меня какой-то знакомый — черный впуск у меня сейчас, черная девушка тогда. Она сидела рядом, наши колени соприкасались. Что со мной творилось! Я, конечно, безразлично глядел в окно, проехал весь проспект Мира, вообще забыл, куда еду. Решил: где она сойдет, там и я.

Вот уж действительно, в этой семье муж и жена — одна сатана (с Наной Джорджадзе)

Мой внук Никита, чудо мое шоколадное

И она сошла. Я — за ней. Она зашла куда-то, я — следом. Читаю на вывеске: «ВГИК». Мне стало еще интереснее. Но там она испарилась. В поисках ее я приехал и на следующий день. Словом, она стала для меня своего рода Вифлеемской звездой. Я искал ее и оказался в кино. Нельзя сказать, что я был уж такой лопоухий и совсем не думал о кино. Помню даже, когда впервые мелькнула эта мысль. У нас в Тбилиси был сосед, работал где-то в кинофикации. Мы, мальчишки, часто ходили с ним купаться на Куру. Он учил нас делать стойку на руках и рассказывал, как каждый год ездит на Каннский фестиваль и как в него влюблена американская звезда Дина Дурбин. А мы тогда с ума от нее сходили. «Значит, так, — рассказывал он, — все просто. Везу с собой в Канн «Хванчкару» — Дина ее очень любит. Вручаю ей бутылку, и мы кружимся в вальсе». В итоге у меня создалось впечатление, что быть киношником — это значит ездить на Каннский фестиваль с ящиком «Хванчкары» и танцевать вальс с Диной Дурбин. Чуть позже у нас появились польские журналы «Экран» и «Кино». На обложках — портреты самых популярных западных актрис. Мы обожали их рассматривать. К тому моменту у меня была своя комната в коммуналке — родители выделили. И вот потолок — не стены, а именно потолок! — этой пятнадцатиметровой комнаты я обклеил всемирно известными прекрасными женскими лицами. Кстати, это оказалось замечательным поводом зазывать девушек на чашку кофе.

Вот из таких осколков памяти и складывался мой путь в кино. А на Каннском фестивале с тех пор я побывал неоднократно. За фильм «Робинзонада, или Мой английский дедушка» мы с женой — я как сценарист, она как режиссер — получили «Золотую камеру». А в 1996 году там же был показан наш с Наной «1001 рецепт влюбленного кулинара», позже номинировавшийся на «Оскара».

— А как Пьер Ришар попал в ваш фильм?

— Я написал сценарий о французе, который в начале века приехал в Грузию и открыл француз-

ский ресторан. К нам в дом ходила старая аристократка, про которую говорили, что она была любовницей этого француза. Мне не очень хотелось писать эту историю, она казалась мне слишком литературной, но французам такая идея понравилась. Меня вызвали в Париж и сказали, что пожилого француза будет играть Пьер Ришар. Я сомневался, сможет ли комик сыграть драматическую роль. Но все решилось, когда мы приехали к нему в замок. У него была сломана нога, он месяц не выходил из дому и, как всякий нормальный мужчина в его положении, не брился. Это преобразило его до неузнаваемости, в лице появилась мужественность и сила. Я попросил его не сбривать бороду. Он согласился — так ему понравилась роль. Работать с ним было одно удовольствие, он сдружился со всеми членами нашей маленькой студии. Терпеливый, энергичный человек. Ни разу не высказал недовольства, а ведь съемки проходили в Грузии, где только что закончилась война. Стояла зима, павильон не отапливался, не было света, горячей воды, и всемирно известному артисту нечем было смывать грим с лица.

— Какой из ваших фильмов самый любимый?

— Его сейчас редко показывают по телевидению — «Кувшин». Но время над ним не властно. По-своему нравится «Пловец». Сейчас даже смешно вспоминать, как его запрещали. Даже смывать хотели. Помню, коробки с негативами я выкрал на студии и положил к бабушке в холодильник. Она все порывала выбросить эти черные пакеты, которые лежали вперемежку с помидорами и только место занимали.

— Как вы думаете, почему истории, произошедшие в Грузии, так трогают людей во всем мире?

— Эти провинциальные истории интернациональны. Скажем, пастухи в Италии, Грузии, Греции — их жизни не столь уж разнятся, их быт, страсти можно пересказать одними и теми же словами. Я люблю такие перевертыши.

— Чем объясняется ваш интерес к Пушкину?

— У меня много с ним связано. У меня бабушка русская, Екатерина Григорьевна Бухарова. Из Иванова приехала она в Баку, где жил мой дед, Давид Миндадзе. Был он «личным поставщиком Его Императорского двора по красной

рыбе» — так значилось в визитной карточке. Так вот, бабушка воспитывала меня на Пушкине. Открывала большой том академического издания и все время мне его читала. Мое мироощущение складывалось именно через эту книгу. Помню, в классе третьем или четвертом к столятидесятилетию поэта мне поручили рисовать стенгазету, я хорошо это умел делать. Рисовал я дома у своего школьного друга. Ну и...

— И что там случилось?

— Я впервые поцеловал девочку, его сестру. Она была старше меня и глухонемая. Так что Пушкин для меня — это еще и первый поцелуй, и женщины, и любовь. А теперь, уже после того как у меня родился внук-эфиоп, по совершенно странной параболе я пришел к сценарию об эфиопе Пушкине. Смешно, но в этом что-то есть.

— Признаться, не брали на фестиваль в Канн бутылочку «Хванчкары»? Чтобы уж историю довести до логического конца...

— Нет, ни разу. Действительно... Черт побери! Не задай вы мне такого вопроса... У меня такая память: в ней все лежит до поры до времени, пока созреет и выплывет наружу. А ведь надо бы в память об этом замечательном вралье-выдумщике расписать на Каннском фестивале бутылочку «Хванчкары».

Наталия Батаен
Фото Ольги Кудрявцевой
и из архива Ираклия Квирикадзе

Что касается «Хванчкары», я вам обещаю...

